

■ ■ ■ Управляемость страновых коммуникационных режимов

Комлева В.В.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, Москва, Российская Федерация.

Аннотация. Коммуникационный режим рассматривается как социально-политический феномен, требующий полипарадигмального, междисциплинарного исследования. Управление коммуникационным режимом рассматривается как процесс, а управляемость – как атрибутивная качественная характеристика коммуникационного режима, как цель и результат управления. Управляемость трактуется как мера контроля со стороны управляющего центра в отношении объектов управления, мера добровольного согласия объектов управления со степенью своей подчиненности и автономности. Управляемость достигается тогда, когда общество добровольно интериоризирует, согласует и признает институционализированные практики, структуры, формы, инструменты, степень контроля коммуникаций и санкции за отклонения от установленных норм. Для обеспечения управляемости требуется эффективная реализация таких функций субъектов управления, как упорядочивание, контроль и реализация, достижение солидарности и согласованности всех участников коммуникации. Критериями управляемости коммуникационных режимов являются: возможность бесконфликтного перевода системы из одного состояния в другое, способность субъектов управления достигать контролируемых параметров коммуникационного режима, способность использовать для регулирования коммуникационных режимов механизмы самоорганизации и саморефлексии объектов управления. Авторы предлагают методику анализа управляемости коммуникационных режимов. Ее применение позволяет: (1) выявить тип управления коммуникационным режимом (по степени конвенциональности и месту расположения центра управления коммуникациями) и определить уровень его независимости и легитимности; (2) определить особенности управляемости коммуникационного режима в том или ином типе управления коммуникационными режимами. Размышления и выводы автора иллюстрируются примерами коммуникационных режимов в разных странах.

Ключевые слова: коммуникационный режим, коммуникационный порядок, информационный порядок, управление, управляемость, политический режим, теории коммуникации

Для цитирования: Комлева В.В. Управляемость страновых коммуникационных режимов // Коммуникология. 2022. Том 10. № 1. С. 139-154. DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-1-139-154.

Сведения об авторе: Комлева Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций; заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес: 119034, Россия, г. Москва, Коробейников пер., 22/1. E-mail: komleva@nicrus.ru.

Статья поступила в редакцию: 07.03.2022. *Принята к печати:* 21.03.2022.

Коммуникационные режимы до недавнего времени оставались на периферии научного осмысления, ибо признание глобализации, как основного тренда общественного развития, способствовало росту исследований, аргументирующих становление мирового коммуникационного и информационного порядка. Принимая во внимание этимологию слова «режим» (с латинского языка *regimen* – управление, командование, руководство), коммуникационные режимы являются управляемыми (с разной степенью управляемости) структурами коммуникации, функционирующими в определенных институциональных и социокультурных границах. Коммуникационные режимы складываются в границах влияния и контроля центра управления коммуникациями. В подавляющем большинстве случаев это государственные границы, так как основным субъектом институционализации и управления коммуникациями являются государства. Актуальность исследования управляемости коммуникационных режимов обусловлена развитием новых технологий информационного общества, желанием государств обеспечить контроль информационного пространства, информационную безопасность, общественно-политическую стабильность.

Рассматривая соотношение понятия «коммуникационный режим» с более известными понятиями «коммуникационный порядок» и «коммуникационная система», отметим, что коммуникационный порядок является одной из целей коммуникационного режима. Коммуникационная система – более широкое понятие, чем коммуникационный режим, который институционализирует систему коммуникаций. Именно благодаря режиму возможна системность отношений в том понимании, которое мы вкладываем в понятие «система». Коммуникационный режим обеспечивает и устойчивость системы коммуникаций. Он не только формирует среду, создает условия для внутренних и внешних коммуникаций, но и контролирует, использует санкции для пресечения отклонений и наказывает за нарушение установленных норм и правил. С этих позиций важнейшей характеристикой коммуникационных режимов является их управляемость. Вопрос о субъектах управления и о степени управляемости страновых коммуникационных режимов имеет существенное значение, так как связан с установлением правил внутриполитической и внешнеполитической коммуникации, с вопросами общественной стабильности и со степенью политического и информационного суверенитета страны и народа.

Проблема управляемости коммуникационных режимов практически не разработана, что подтверждается малочисленностью исследований. Обращение к проблематике управляемости в широком плане, показывает, что наиболее значимые исследования управляемости предприняты в системном подходе [Анохин; Акофф, Эмери; Берталанфи; Клир]. Но и в этом подходе, несмотря на достаточно длительную историю системных исследований, однозначного понимания, в чем заключается управляемость и как ее определить, все еще нет. Это весьма показательно, если проанализировать и сравнить базовые российские труды по проблеме управляемости [Рубцова; Василькова; Пригожин]. В отношении

управляемости именно страновых коммуникационных режимов ситуация усугубляется еще и относительно недавним введением в научный оборот самого понятия «страновой коммуникационный режим» и, как следствие, малочисленностью исследований коммуникационных режимов.

Термин был введен и проблематизирован исследователями Национального исследовательского института развития коммуникаций в 2020 году [Гасумянов, Комлева 2020 а, b; Комлева 2020, 2021]. Была аргументирована научно-теоретическая и практическая актуальность проблемы, обозначен авторский подход к определению понятия «коммуникационный режим», выделены его уровни (страны, интеграционное объединение, часть федеративного государства и др.) и обозначены основные направления дальнейших исследований.

Сущность управляемости страновых коммуникационных режимов

В отличие от процесса управления коммуникационными режимами, управляемость является качественной характеристикой странового коммуникационного режима, позволяющей участникам коммуникации устанавливать определённые правила и нормы коммуникации и достигать поставленных целей в согласии и взаимодействии друг с другом. В научных исследованиях управляемость рассматривается как сочетание трех составляющих: порядок, контроль, согласованность. Тихонов А.В. рассматривает управляемость как степень влияния отношений или связей управления на социальные взаимодействия людей в процессе их совместной деятельности [Тихонов]. Принимая во внимание этот подход, определим управляемость страновых коммуникационных режимов как результат успешной реализации трех основных функций субъекта управления:

- 1) упорядочивание всех отношений внутри управляемой системы;
- 2) контроль и реализация принимаемых решений;
- 3) согласие участников коммуникации по поводу целей, норм, правил, ценностных конструктов коммуникационного режима.

Упорядочивание и контроль достигаются в результате целенаправленного воздействия путем установления нормативных правовых актов и иных документов, а также путем создания организаций и структур. Иными словами, – за счет институционализации коммуникационных режимов. Согласованность целей, ценностей и действий участников коммуникации достигается путем мотивированной вовлеченности участников в коммуникации, когда большинство из участников (или каждый из них) добровольно и осознанно ориентируется на принятые в стране цели и стратегии. В рецензии Е.Е. Тарандо на монографию М.В. Рубцовой справедливо отмечается: «Основой достижения коммуникативной управляемости выступает процесс совместного создания правил взаимодействия и добровольного их соблюдения. При этом основная проблема управляемости трансформируется из проблемы подчинения человеку-субъекту управления в проблему подчинения правилу. Это подчинение создает возможность рационального вмешательства в протекание процесса, то есть фактически управления. Для использо-

вания коммуникативной управляемости институциональные правила необходимо сделать максимально прозрачными и обсуждаемыми, так как коммуникативность нарушается при столкновении с латентными и теневыми факторами» [Тарандо].

Сбой в реализации хотя бы одной из трех выше названных составляющих ведет к сбою управляемости коммуникационным режимом. Это происходит не только из-за ошибок субъектов и объектов управления коммуникационными режимами, но и по объективным причинам. Например, законы склонны к консерватизму и задают некую инерцию, которая может привести к стагнации коммуникационных режимов. Наиболее явно это проявляется в ситуациях, когда изменяющееся общество перестает соглашаться с принятыми нормами общественной коммуникации. В этом случае начинает разрушаться элемент добровольности и согласованности позиции всех участников коммуникации. Если субъекты управления не отреагируют адекватным образом и не дадут правильную обратную связь группам и лицам, не согласным со старыми правилами и практиками коммуникационного режима, то существенно возрастает риск конфронтации и возникает благоприятная ситуация для внешнего вмешательства.

Для коммуникационного режима характерно стремление управляющего центра к максимальному контролю над коммуникациями в обществе, для чего институализируется вся система коммуникации. Со своей стороны, объекты управления лишь отчасти подчиняются требованиям управляющего центра, так как стремятся к определенной степени свободы, к получению разной, в том числе и альтернативной, информации из разных источников. В коммуникационных режимах проявляется глубинная проблема общественного управления: борьба субъектов управления за контроль и борьба объектов управления за независимость. В случае углубления конфликта и невозможности найти компромисс для победы в этой борьбе обе группы участников коммуникации обращаются за внешней помощью. И тогда возникает другая проблема – внешние влияния на внутривнутриполитическую ситуацию в стране в интересах внешних акторов, вплоть до потери национальными акторами самостоятельности в принятии решений.

С этих позиций *управляемость страновых коммуникационных режимов* – это мера контроля страновых коммуникаций со стороны национального управляющего центра (субъектов управления, принимающих решения в отношении правил и институтов внутристрановой и внешней коммуникации) с учетом той степени самопроизвольности и независимости объектов управления, которая необходима для реализации потребности в свободном поиске информации и для сохранения системы в заданных границах для достижения согласованных целей ее существования. Иными словами, управляемость – это мера контроля, с которой согласно обществу и в рамках которой общество добровольно интериоризирует и подчиняется принятым правилам, нормам, ограничениям.

Мы исходим из того, что эта мера зависит от целей и задач государства. Соответственно определить ее можно только в конкретном страновом контексте, а попытки найти идеальную типовую модель управляемости страновых комму-

никационных режимов на все случаи – заведомо ложная цель. Опыт исследования показал, что мы можем описать типовую структуру управления коммуникационными режимами (некий веберианский «идеальный тип»), выявить отклонения от типовой структуры, описать некоторые закономерности управления, описать логику организации, ресурсы, инструменты, технологии, но было бы большой ошибкой предлагать «образец» управляемости, под который должны быть выстроены коммуникационные режимы всех стран. Управляемость коммуникационных режимов, как мера контроля, порядка и согласованности, возможна только в каждом конкретном случае, с учетом целей государственного управления и задач информационной политики.

Внутри коммуникационного режима всегда сохраняется конфликтный потенциал, так как, с одной стороны, акторам коммуникации свойственно стремление к свободе и самовыражению, с другой стороны - к солидарности и аффилиации. Несогласие большей части общества с нормами и правилами коммуникации, степенью ограничений и контроля, целями государственной политики, приводит к социальным возмущениям и создает условия для роста неуправляемости коммуникационных режимов. Как только центр управления теряет контроль над общественными коммуникациями, возникает развилка управляемости. Часто для сохранения управляемости власть вынуждена применять санкции негативного характера и вводить новые меры запретительного и ограничивающего характера. Примером могут служить политические события в Беларуси 2020 года и законы, принятые в отношении СМИ в 2021 году. Например, запрет освещения в режиме реального времени массовых мероприятий, проводимых с нарушением законодательства; запрет на публикацию результатов соцопросов, проведенных без аккредитации организации, проводящей опрос; предоставление прокурорам областей и Минска права на ограничение доступа к интернет ресурсам и сетевым изданиям, в которых распространяются сведения, направленные на пропаганду экстремизма; предоставление права Межведомственной комиссии по безопасности в информационной сфере права принимать решения о наличии информационных сообщений, распространение которых способно нанести вред национальным интересам; право Мининформа принять решение о прекращении выпуска СМИ (если, например, владельцу сетевого издания вынесено два и более письменных предупреждений); запрет на учреждение СМИ гражданами и юридическими лицами других государств и лиц без гражданства.

Критерии оценки управляемости государственных коммуникационных режимов

На наш взгляд, в условиях свойственной современному миру быстро изменяющейся реальности, нелинейности, открытости и проницаемости общественных систем, главным критерием управляемости является *возможность бесконфликтно перевести систему из одного состояния в другое*. Белорусский кейс 2020–2021 годов убедительно демонстрирует управляемость государственного коммуникационного режима по критерию его перевода из одного состояния в дру-

гое путем сознательного принятия институтами власти новых норм и правил общественно-политической коммуникации. В результате коммуникационный режим остался подконтрольным конвенциональному центру управления – действующей власти. Заметим здесь, что в кибернетике, где был введен термин «управляемость», управляемость тесно связана с подконтрольностью, кибернетически понятая управляемость означает способность системы достигнуть контролируемых параметров. Таким образом, второй критерий управляемости коммуникационных режимов – это способность институтов власти достигать контролируемых параметров коммуникационного режима. Речь идет о широком спектре параметров, заданных коммуникационным режимом конкретной страны.

Третий критерий связан со способностью власти использовать для регулирования коммуникационных режимов механизмы самоорганизации и саморефлексии объектов управления. Дело в том, что в современных условиях неравновесности, нелинейности, роста саморефлексии участников коммуникаций, все сложнее сохранять управляемость коммуникационных режимов за счет контроля и подчинения. Автономность и самоорганизация социальных субъектов все чаще определяет их реакции на регулирующие воздействия власти вплоть до конфронтации. В этой связи целесообразно использовать созидательную энергию самоорганизации для формирования коммуникационных режимов – вовлекать в коммуникацию с властью самоорганизующиеся коммуникационные сети и информационные каналы, особенно институт гражданской журналистики.

Соотношение формального и неформального в управляемости государственных коммуникационных режимов

В качестве формальных регуляторов коммуникационного режима мы рассматриваем те нормы и правила, которые установлены законом и иными документами уполномоченных на то должностных лиц и институтов. Но коммуникационный режим нельзя отождествлять только к законам и регламентам. Во-первых, многое зависит от практики применения формальных регуляторов. Они могут избирательно применяться в зависимости от политических интересов и идеологических задач государства, политических элит (например, коммуникационный режим Эстонии в отношении RT и Sputnik). Во-вторых, коммуникационный режим зависит от неформальных регуляторов, отражающих социокультурные особенности каждого конкретного государства, а в многосоставных обществах – и от особенностей составных частей (как, например, в субъектах Российской Федерации).

Формальные нормы и правила не нейтральны, они формируются не сами по себе, а в соответствии с целями и задачами центра управления (чаще всего – государства). Государственные коммуникационные режимы соответствуют этим целям, а точнее эти цели определяют содержательную сторону коммуникационного режима. Эти нормы и правила могут быть:

- заданы извне в результате интеграции (например, ЕС), в результате подчинения страны внешним акторам (например, в период колониальной экспан-

сии или вооруженного захвата территории), в результате установления внешнего контроля фактически по согласию национальных элит (например, Украина);

- выработаны в результате взаимодействия разных групп общества и власти (законы, принятые уполномоченными на то институтами, в результате общественного договора);

- исторически складываться и привычно соблюдаться (например, социокультурные нормы, обычаи, традиции, стереотипные модели поведения др.). Такие нормы и правила мы называем неформальными регуляторами страновых коммуникационных режимов.

Первые два типа норм и правил сознательно создаются, третий тип возникает в результате относительно долгой исторической эволюции религиозных, этнических, языковых и иных культурных факторов коммуникации. Как правило, факторов, направленных на формирование идентичности сообществ. Формальные и неформальные регуляторы вступают в сложные отношения друг с другом и нередко для сохранения общественного согласия институты власти «по умолчанию» соглашаются с некоторыми отклонениями от соблюдения формальных (юридически закрепленных) норм и правил в силу большей социальной значимости и ценности неформальных регуляторов. В качестве примера можно привести адаты (обряды и обычаи) в Чеченской Республике, формирующие особый правовой менталитет, правовую культуру и этику коммуникации. Среди адатов есть и деструктивные обычаи, например, кровная месть [Шарафутдинова].

Осмысление соотношения формального и неформального в страновых коммуникационных режимах позволят нам говорить не о государственном коммуникационном режиме, а именно о страновом коммуникационном режиме. Тем самым мы подчеркиваем сложную, порой противоречивую связь специально формируемых норм и правил (институционализированный структур), исторически сложившихся традиций и обычаев (культуры) и практик их применения. И формальные, и неформальные регуляторы упорядочивают отношения внутри каждого конкретного коммуникационного режима с разной степенью их значимости.

Влияние неформальных норм и правил на общественные коммуникации произошло задолго до политических управленческих влияний. Наиболее явно это прослеживается на примере религий, появившихся задолго до государства, классов и политики, и до сих пор остающихся значимыми регуляторами. Религии, обычаи, традиции так же, как и формальные нормы, регулируют общественные коммуникации и связи между людьми. Традиции, обычаи, стереотипы, устойчивые паттерны поведения, неформальные правила, – все эти регуляторы коммуникаций весьма консервативны, инертны и трудно поддаются изменениям. Субъекты управления вынуждены их учитывать, как при принятии решений, так и при их реализации и контроле исполнения. В случае несогласия с неформальными регуляторами центры принятия решений, конвенциональные в конкретный исторический период, вынуждены совершать глубинную трансформацию общественных отношений, чтобы изменить их. Опыт глубинной трансформации неформальных

регуляторов коммуникационных режимов мы можем наблюдать в период постреволюционного построения модели советского государства.

В неформальных регуляторах коммуникационных режимов явно доминирует иррациональное, моральное, нравственное, ценностное начало, а властные решения воспринимаются как отражение властных интересов, целей и политических расчетов. В этой связи влияние неформальных регуляторов особенно эффективно там, где общество в большинстве своем сомневается в моральности действий институтов власти и сомневается в правильности принимаемых ими решений теряет доверие к политическим институтам. Такая ситуация создает благоприятные условия для усиления неконвенциональных акторов, претендующих на контроль коммуникационного режима (например, экстремистскими организациями) и нередко опирающихся на неформальные регуляторы.

Для сохранения общественного согласия и доверия субъекты управления нередко сами воспроизводят неформальные регуляторы, ибо они обладают особыми легитимирующими свойствами и дают их носителям общественное признание, оправдывая их действия без использования рациональной аргументации и юридических норм. Эти процессы отчетливо видны, когда институты власти при работе с общественностью обращаются к вопросам исторической памяти, религии, древним традициям народов.

Особое влияние имеют неформальные регуляторы, оформившиеся со временем в институты, так как существуют достаточно долго, системно проявляются и обладают большим потенциалом контроля. Среди таких неформальных институтов особую роль в формировании коммуникационных режимов играет религия. Несмотря на светскость большинства государств, не произошло полноценной секуляризации их обществ, а социальная значимость религии возрастает на фоне неверия в результативность имеющихся политических проектов и идеологий (как либерального, так и консервативного характера; как демократического, так и авторитарного типа).

Таким образом, управляемость коммуникационных режимов зависит не только от формальных регуляторов, но от исторически сложившихся неформальных регуляторов, проникающих во все сферы жизни общества. Для обеспечения управляемости, при принятии и реализации управленческих решений, для обеспечения общественного согласия и порядка приходится учитывать общественную ценность и значимость сложившихся традиций, обычаев, поведенческих паттернов.

Центры управления страновыми коммуникационными режимами

Наиболее часто центром управления, устанавливающим правила коммуникационного режима и контролирующим их исполнение, являются институты государственной власти. Они принимают законы, они регламентируют коммуникации в обществе, они применяют санкции за неисполнение правил и поощряют наиболее лояльных участников коммуникации.

В ситуации низкого доверия к государственным субъектам управления коммуникациями и высокого доверия к негосударственным акторам при условии ценности норм и правил, предлагаемых негосударственными акторами, центр управления коммуникациями смещается в сторону альтернативных центров. Примерами таких альтернативных центров управления коммуникационными режимами могут быть институты власти других государств; религиозные организации; СМИ и иные каналы информирования (в том числе гражданская журналистика); властные группы, вступившие в противоречия друг с другом в результате раскола элит; гражданские институты (например международные НКО); бизнес (владеющий каналами коммуникации и информирования); силовые ведомства (в случае их противоречий с действующей властью); надгосударственные образования и иные акторы. Попытка перехвата управления коммуникационным режимом со стороны акторов, альтернативных государственным институтам, была продемонстрирована в Беларуси в 2020 году.

Таким образом, предлагаем, как минимум, два подхода к группировке центров управления страновыми коммуникационными режимами:

- по степени их конвенциональности мы выделяем конвенциональные и неконвенциональные центры управления страновыми коммуникационными режимами;
- по месту нахождения центра управления мы выделяем внешние и внутренние центры управления страновыми коммуникационными режимами.

Конвенциональные центры управления – те, кто имеет право легитимно устанавливать правила коммуникации, формулировать основы государственной информационной политики, создавать институты коммуникации, контролировать выполнение правил и применять санкции за их неисполнение.

Неконвенциональные центры управления – самопровозглашенные центры принятия решений относительно норм и правил исполнения решений конвенциональных центров. Согласие общественности с неконвенциональными центрами нередко приводит к неконвенциональному поведению отдельных групп общественности.

Нахождение центра принятия решений и контроля за пределами страны рассматривается нами как особый случай управляемости, далеко не всегда порождающий неуправляемость режимов со стороны национальных центров управления. Конвенциональность / неконвенциональность и место размещения центров – официальных регуляторов лежат в основе методики разработанного нами первичного анализа страновых коммуникационных режимов

Методика первичного исследования управляемости страновых коммуникационных режимов

Под первичным исследованием управляемости страновых коммуникационных режимов мы понимаем качественное исследование ключевых аспектов управляемости: упорядочивание, контроль и реализация, согласованность. В основе методики лежат системный и институциональный подходы, согласно кото-

рым исследование управляемости коммуникационного режима в каждой конкретной стране можно провести путем анализа системных связей субъектов и объектов управления коммуникационными режимами и степени их институционализации. Сбор эмпирического материала осуществляется преимущественно в рамках кабинетного исследования с помощью контент-анализ документов, ивент-анализа существующих практик, а затем – социологического опроса (добавляется на втором этапе исследования для выявления доли согласных/ не согласных с правилами коммуникационного режима и доли одобряющих/не одобряющих действия центра управления коммуникациями) и интервью экспертов (при необходимости уточнения информации и/или ее недостаточности в открытых источниках данных).

На первом этапе осуществляется исследование типов управления страновыми коммуникационными режимами. Анализ проводится по двум осям: (1) определяется, где находится центр управления коммуникационными режимами; (2) определяется, конвенционален (легитимен) он или нет. Схема представлена на рисунке 1.

Рисунок 1. Схема анализа типов управления страновыми коммуникационными режимами / The scheme for analysis of governance types of country communication regimes

Степень конвенциональности	Конвенциональный	1	2
	Неконвенциональный	4	3
		Внутренний	Внешний
		Место нахождения центра управления странового коммуникационного режима	

На пересечении осей конвенциональности и места нахождения центра управления образуются четыре типа управления коммуникационными режимами.

1. *Первый тип: конвенциональный центр управления коммуникационными режимами расположен внутри страны.* Примером такого типа является коммуникационный режим Российская Федерация, в которой, несмотря на федеративную систему, центр управления коммуникационным режимом находится на федеральном уровне. Решения разрабатываются в администрации Президента России, в Совете безопасности России и в ряде «мозговых» центров. Согласование и принятие норм и правил осуществляется в Государственной Думе и в Совете Федерации. На подготовительных этапах могут привлекаться разного рода гражданские институты, например, общественные палаты и экспертные советы. Контролируется их исполнение правоохранительными органами и органами безопасности. Федеративная компонента реализуется в особенностях формирования региональных коммуникационных режимов, не противоречащих основным нормам и правилам, выработанным для всей территории Российской Федерации. Многосоставное российское общество (по составу религий, этносов, климати-

ческих условий, региональных социумов и др.) создает предпосылки для многообразия региональных коммуникационных режимов, в которых иногда проявляются неформальные регуляторы (традиции, обычаи, стереотипы) проживающего населения (например, Чеченская Республика, Республика Татарстан и др.).

2. Второй тип: конвенциональный центр управления расположен за пределами страны. Действия такого центра управления, как правило, согласуются с действиями национального центра (государственных органов власти). Чаще всего такие практики возникают в интеграционных объединениях с наличием надгосударственных органов управления. Примером может быть Европейский Союз и сформированная внутри общего европейского коммуникационного пространства система страновых коммуникационных режимов, добровольно зависимая от общеевропейского центра управления.

3. Третий тип: неконвенциональный центр расположен за пределами страны. Такой тип управления коммуникационными режимами, как правило, недолговечен, так как со временем эволюционирует в сторону первого или второго типа. Примером попытки установить такой тип управления может быть Республика Беларусь, когда на короткий период времени со стороны альтернативных акторов, находящихся в Польше, были предприняты усилия перехвата контроля коммуникаций и их упорядочивания по другим нормам и правилам. Не следует отрицать, что эти нормы и правил получили одобрение и поддержку со стороны части белорусского общества (но не большинства). Однако конвенциональный центр управления активизировал все имеющиеся ресурсы для возврата к первому типу коммуникационного режима и к 2021 году путем принятия ряда нормативных правовых актов и санкций в отношении внешних альтернативных центров окончательно закрепил за собой статус единственного внутреннего центра управления коммуникационным режимом в стране. Если большая часть общества согласится с принятыми правилами и нормами, то в ближайшее время внешние альтернативные акторы управление коммуникационным режимом вряд ли будут иметь успех.

4. Четвертый тип: неконвенциональный центр расположен внутри страны. Примером такого типа может быть коммуникационный режим в Исламской Республике Афганистан, где в последнее время конвенциональный центр уже не обеспечивает управляемость коммуникационного режима и устанавливается контроль коммуникаций со стороны движения Талибан*.

Выделенные типы управления коммуникационными режимами не отрицают наличия переходных или смешанных типов, не отрицают наличия полутонов и «не чистых» типов управления, выявление которых возможно в ходе анализа многочисленных страновых практик.

Для детального анализа коммуникационного режима в конкретной стране следует получить ответы, как минимум, на следующее вопросы (Таблица 1).

* Организация включена в перечень запрещенных в России террористических организаций: <http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html> (дата обращения: 20.02.2022).

Таблица 1. Вопросы первичного исследования управляемости страновых коммуникационных режимов / Questions for primary research on the manageability of country communication regimes

Для выявления места нахождения центра управления	Для выявления степени конвенциональности / неконвенциональности
Кто формирует (консультирует, разрабатывает, принимает) нормативную правовую базу коммуникационного режима в конкретной стране?	Кто уполномочил и возложил функции формирования нормативной правовой базы именно на этих субъектов управления коммуникационными режимами?
Принимаются решения о правилах коммуникации в стране под влиянием традиций, обычаев, религии и иных неформальных факторов?	Каковы реакции управляющего центра на неисполнение установленных им норм и правил по причине более значимой роли традиций? / Возможно ли безнаказанное неисполнение норм и правил по причине более высокой роли традиций?
Кто принимает решения о наказании за нарушение норм и правил и/или поощрении наиболее лояльных?	Кто уполномочил именно эти субъекты управления и возложил на них функции применения санкций (наказания и поощрения) в отношении объектов управления коммуникационными режимами?
Есть ли множественные факты массового протеста объектов управления, не довольных принятыми нормами и правилами общественно-политической коммуникации?	Какова доля граждан, одобряющих решения и действия центра управления?

На втором этапе первичного исследования страновых коммуникационных режимов предлагается проанализировать конвенциональность и место нахождения центра управления с учетом атрибутов управляемости коммуникационных режимов (рассмотренных выше). Это позволит выявить особенности управляемости в том или ином конкретном типе управления коммуникационными режимами. Схематично связи атрибутов управляемости и типов управления представлены в таблице 2.

Заполнение ячеек данной таблицы качественной информацией происходит на примере каждой конкретной страны. Основные задачи:

- выявить и охарактеризовать центр /центры управления страновым коммуникационным режимом;
- выявить и описать факторы и условия, при которых сохраняется / теряется управляемость коммуникационным режимом к стране;
- выявить и проанализировать основные нормы и правила странового коммуникационного режима, по которым достигнуто общественное согласие;
- выявить и проанализировать нормы и правила странового коммуникационного режима, по которым возникают разногласия вплоть до конфронтации;
- выявить потенциально конфликтогенные параметры коммуникационного режима.

Таблица 2. Схема качественного исследования особенностей управляемости страновых коммуникационных режимов в разных типах управления такими режимами / The scheme for qualitative research of features of country communication regimes manageability in different governance types of such regimes

Атрибуты управляемости	Тип 1 Конвенциональный центр управления коммуникационными режимами расположен внутри страны	Тип 2 Конвенциональный центр управления расположен за пределами страны	Тип 3 Неконвенциональный центр расположен за пределами страны	Тип 4 Неконвенциональный центр расположен внутри страны
Упорядочивание отношений				
Контроль и реализация принимаемых решений				
Консенсус – согласие участников коммуникации по поводу целей, норм, правил, ценностных конструкций, институтов коммуникационного режима				

Описанная методика применяется нами в процессе комплексного сравнительного анализа страновых коммуникационных режимов. Сравнение полученных результатов по разным странам позволяет отнести те или иные коммуникационные режимы к конкретным типам управления и управляемости, а также выявить переходные типы и подтипы управления коммуникационными режимами в зависимости от специфики регулирования сферы коммуникаций в каждой конкретной стране. Результаты проведенных нами исследований коммуникационных режимов на примерах стран Восточной Европы и Центральной Азии будут представлены нами в ближайших публикациях.

Выводы. Изучение коммуникационных режимов является новым направлением российских и зарубежных исследований. Коммуникационные режимы являются сложными социально-политическим феноменами, регулируемыми внутристрановые и внешние коммуникации стран на разных уровнях организации общественной системы и по разным ее направления. Понимание и научные интерпретации данного феномена возможно на полипарадигмальной, междисциплинарной основе с применением идей, разработанных в теориях систем, коммуникации, структуры, политических режимов. Коммуникационный режим,

как форма организации коммуникаций, проявляется в структурах (институциональной среде), культуре и практиках (правилах, распорядках и привычках).

Управляемость является важнейшей качественной характеристикой коммуникационного режима и достигается за счёт реализации, как минимум, трех функций субъекта управления: упорядочивание, контроль и реализация, согласие участников коммуникации по поводу целей, норм, правил, ценностных конструктов коммуникационного режима и инструментов его поддержания и воспроизводства.

Управляемость страновых коммуникационных режимов может быть определена как мера контроля со стороны управляющего центра (субъектов управления, принимающих решения в отношении правил и институтов коммуникации) с учетом добровольного согласия объектов управления со степенью своей автономности и подчиненности. Режим воспроизводится тогда, когда общество добровольно интериоризирует и признает принятые правила, нормы, ограничения, институты с структуры.

Основными критериями управляемости являются: возможность бесконфликтного перевода системы из одного состояния в другое, способность институтов власти достигать контролируемых параметров коммуникационного режима, способность институтов власти использовать для регулирования коммуникационных режимов механизмы самоорганизации и саморефлексии объектов управления.

Каждая страна формирует свой контекст для возникновения того или иного типа коммуникационного режима и понять этот режим возможно только в контексте каждой конкретной страны. Как следствие, невозможно предложить идеальную модель *управляемости* коммуникационных режимов для всех типов обществ и государств. В тоже время возможно описать типовую модель *управления* коммуникационными режимами, закономерности, логику организации, ресурсы, инструменты, технологии управления, но будет большой ошибкой навязывать «образец» управляемости.

Источники

Акофф Р., Эмери Ф. (1974). О целеустремленных системах. Перевод с английского. Под ред. И.А. Ушакова; пер. Р.Г. Рубальского. М.: Советское радио.

Анохин П.К. (1978). Философские аспекты теории функциональной системы: избранные труды. М.: Наука.

Берталанфи Л. фон (1969). Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем: сборник переводов. М.: Прогресс. С. 23-82.

Василькова В.В. (1999). Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб.: Лань.

Гасумянов В.И., Комлева В.В. (2020b). Коммуникационные режимы как фактор межстрановых взаимодействий: постановка проблемы // Международная жизнь. № 10, Октябрь. С. 38-49.

Клир Д. (1973). Системология. М.: Радио и связь.

Комлева В.В. (2020). Коммуникационные режимы стран «догоняющих революций»: народ как бенефициар // Международная жизнь. № 3, Март. С. 130-133.

Комлева В.В. (2021). Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен // Россия и мир: научный диалог. Т.1. № 1. С. 13-26.

- Пригожин А.И. (1995). Управляемость. Энциклопедический социологический словарь. М.: Изд-во ИСПИ РАН.
- Рубцова М.В. (2010). Социологическая теория управляемости. СПб.: Книжный Дом.
- Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А. (2021). Современный мировой порядок: адаптация акторов к структурным реалиям // Полис. Политические исследования. № 4. С. 14-25.
- Тарандо Е.Е. (2011). Рецензия на монографию М.В. Рубцовой «Социологическая теория управляемости» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Вып. 3. С. 359-360.
- Тихонов А.В. (2007). Социология управления. М.: Канон+.
- Шарафутдинова Э.Ф. (2009). Традиционная этноправовая культура чеченцев в контексте современных социально-политических процессов в Чечне // Северо-Кавказский юридический вестник. №3. С. 49-52.
- Gasumyanov V.I., Komleva V.V. (2020a). Communication Regimes as a New Scientific Category. *Communicology*. Vol. 8. No. 3. P. 43-50.

■ ■ ■ The Manageability of Country Communication Regimes

Komleva V.V.

National Research Institute for Communication Development, Moscow, Russia.

Abstract: The article introduces results of the first Russian fundamental research of communication regimes, that, in particular, contains scientific understanding and analysis methods of manageability of country communication regimes. Based on systemic, institutional, structural methodological approaches and theories (theories of complex systems, structuration, communication and concepts of political regimes), the author examines communication regime as sociopolitical phenomenon, requiring polyparadigmatic and interdisciplinary research. The author considers communication regime as a socio-political phenomenon that requires a polyparadigm, interdisciplinary research, control over communication regime – as a process, and manageability – as an attributive qualitative characteristic of the communication regime, as the goal and result of control. The manageability is interpreted as a measure of control by the managing center over control objects, and implies a measure of voluntary consent of governed objects with the degree of its subordination and autonomy. Hence, the manageability is reached when society voluntarily interiorizes, negotiates and admits institutionalized practices, strictures, forms, instruments, the degree of communication control and sanctions for deviations from the established norms. Ensuring manageability requires effective implementation such functions of governance subjects as control and implementation, achieving solidarity and coherence of all communication participants. The criteria of manageability are as follows: (1) capability of non-conflict transferring the system from one state to another; (2) ability of governance subjects to reach controlled parameters of communication regime; (3) capability to use mechanisms of self-organization and self-reflection for adjustment of communication regimes. Besides, the author proposes the methods for analyzing the controllability of communication modes. Its application allows: (1) to identify the type of managing of communication regime (by the degree of conventionality and location of the communications managing center) and to determine its level of independence and legitimacy; (2) to determine features of manageability of communication regime in one or another governance type of communication regime. The author's thoughts and conclusions are illustrated by examples of communication regimes in different countries.

Keywords: communication regime, communication order, informational order, governance, manageability, political regime, communication theories

For citation: Komleva V.V. (2022). The Manageability of Country Communication Regimes. *Communicology (Russia)*. Vol. 10. No. 1. P.139-154. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-1-139-154.

Inf. about the author: Komleva Valentina Vyacheslavovna – DSc (Soc.), head of analytics, National Research Institute for Communication Development; head of the Department of Foreign Regional Sciences and International Cooperation, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Address: 119034, Russia, Moscow, Korobeynikov lane, 22/1. E-mail: komleva@nicrus.ru.

Received: 07.03.2022. *Accepted:* 21.03.2022.

References

- Ackoff R., Emery F. (1974). On purposeful systems (transl.), ed. I.A. Ushakov, transl. R.G. Rubalsky. Moscow: Sovetskoe radio (In Rus.).
- Anokhin P.K. (1978). Philosophical Aspects of the Theory of a Functional System: Selected Works. M.: Nauka (In Rus.).
- Bertalanffy L. (1969). General Systems Theory: A Critical Review. In: Studies in General Systems Theory: coll. Of translated papers. M.: Progress. P. 23-82 (In Rus.).
- Clear D. (1973). Systemology. M.: Radio and communication (In Rus.).
- Gasumyanov V.I., Komleva V.V. (2020a). Communication Regimes as a New Scientific Category. *Communicology*. Vol. 8. No. 3. P. 43-50 (In Rus.).
- Gasumyanov V.I., Komleva V.V. (2020b). Communication modes as a factor of cross-country interactions: problem statement. *The International Affairs*. No. 10. P. 38-49 (In Rus.).
- Komleva V.V. (2020). Communication regimes of the countries of “catching up revolutions”: the people as a beneficiary. *International Affairs*. No. 3. P. 130-133 (In Rus.).
- Komleva V.V. (2021). Country Communication Mode as a Socio-Political Phenomenon. *Russia and the World: Sc. Dialogue*. Vol. 1. No. 1. P. 13-26 (In Rus.).
- Prigogine A.I. (1995). Controllability. Encyclopedic sociological dictionary. M.: Publishing house of ISPI RAN (In Rus.).
- Rubtsova M.V. (2010). Sociological theory of manageability. St. Petersburg: Book House (In Rus.).
- Safranchuk I.A., Lukyanov F.A. (2021). Modern world order: adaptation of actors to structural realities. *Polis. Political studies*. No. 4. P. 14-25 (In Rus.).
- Sharafutdinova E.F. (2009). Traditional ethno-legal culture of the Chechens in the context of modern socio-political processes in Chechnya. *North Caucasian Legal Bulletin*. No. 3. P. 49-52 (In Rus.).
- Tarando E.E. (2011). Review of the monograph by M.V. Rubtsova “Sociological theory of manageability”. *Bulletin of St. Petersburg University*. Ser. 12. Issue 3. P. 359-360 (In Rus.).
- Tikhonov A.V. (2007). Sociology of management. M.: Kanon+ (In Rus.).
- Vasilkova V.V. (1999). Order and chaos in the development of social systems: Synergetics and the theory of social self-organization. St. Petersburg: Lan (In Rus.).